

наречия».¹¹⁰ Это было типично барочное издание, заканчивающееся изображением черепа, лежащего среди руин, и соответствующими стихами на испанском языке. Но вместе с тем это было и своего рода «Зерцало князей», наставляющее политической мудрости и правилам этикета. Книга предназначалась для назидательного чтения, но попадала и в руки художников.¹¹¹ Новый перевод ее Петр поручил Феофану Прокоповичу, когда тот еще был префектом киевских училищ. Наряду с «Телемаком» Фенелона она должна была послужить пособием при воспитании царевича Алексея.¹¹² Книга издана не была, но рукопись перевода и предисловие к нему, написанное Прокоповичем, сохранились. Оно примечательно характеристикой стиля Фахардо, который, по словам Феофана, весьма искусен, «быстр и пространен во учении политическом», но «в риторской хитрости мало нечто недоволен есть». «Многажды и слово его темному облаку или возмущенной воде подобствует и со немалым трудом едва уразумеши, что просвещевает и чесо учит». Фахардо употребляет необычные речения («наречия») и «неясные Аллегории». Изложение непоследовательно, идет скачками, подобно «стремглавным со берега ввержением». При переводе Феофан тщился эту «темность и стропотность прогнати», т. е. сделать изложение более простым и понятным.¹¹³ Эта позиция не выводила Феофана за пределы барокко. Осуждая «темноту» и «надутость» стиля, он сохранил прочные связи с барочной риторической традицией. Темноту стиля осуждали уже такие представители барочного концептизма, как Кеведо и Грасиан. К концу XVII в. это осуждение встречается в учебниках поэтики и риторики, принятых в украинской и русской духовных школах (Феофил Кролик и др.).

Петр не стремился к разнообразию и богатству эмблематических изображений и девизов. Частое употребление одних и тех же эмблем способствовало их узнаванию и, следовательно, дидактическому внушению. Создавая постоянный репертуар эмблем и девизов, Петр обращался к несложным и хорошо известным мотивам. Он не только заимствовал и варьировал изображения, но и «изобретал» новые девизы и целые аллегорические картины. «Яковую эмблему вымыслило монаршее остроумие о зделанном от него флоте и введенной в России навигации? — то есть образ человека, в корабль седшаго, нагаго и ко управлению корабля

¹¹⁰ См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 161—162.

¹¹¹ Об использовании этого сочинения Д. Сааведры Фахардо (а также другого его сочинения «*Symbola varia*». Praha, 1603) см.: Milada Lejsková-Matujášová. Barokní emblémy v zámku Doudlebech N. Orlici. — Umeni, 1968, N 1, s. 54—68.

¹¹² П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1, стр. 139.

¹¹³ См.: П. В. Верховской. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент, т. 2. Материалы. Ростов-на-Дону, 1916, Отдел 3, стр. 23—25.